

УДК 316.454.54

ДЕСТРУКЦИИ АГРЕССИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В АРМЕЙСКОЙ СРЕДЕ: ПЕРЕХОД ОТ ЯВНОГО К ЛАТЕНТНОМУ

Р.Ш. Альмухаметов

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: r-almuhametov-89@mail.ru

В статье представлены результаты социологического обследования, проведенного в феврале–марте 2011 и 2013 гг. в войсковой части № «Ц» (для соблюдения анонимности номер части зашифрован). Опрос (анкетирование) проводился среди военнослужащих срочной службы в составе одной и той же роты методом основного массива. Выборочная совокупность составила 113 и 196 человек в 2011 и 2013 гг. соответственно. Исследование направлено на установление проявлений деструкций агрессивной направленности, с которыми приходилось сталкиваться военнослужащим исследуемого подразделения за время службы.

Ключевые слова: деструкция, агрессия, военнослужащий срочной службы, военная служба по призыву.

AGGRESSIVE DESTRUCTIONS IN THE ARMY: TRANSITION FROM THE EVIDENT TO THE LATENT

R.Sh. Almuhametov

Institute of Economics and Industrial Engineering
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
E-mail: r-almuhametov-89@mail.ru

The article presents the results of a sociological study conducted in a military unit № «С» of the Central Military District in February–March in years 2011, 2013. The questionnaire survey was conducted among conscripts of the same company using the basic array method. The selection was 113 and 196 people in 2011 and 2013, respectively. The study is intended to establish manifestations of aggressively-oriented destructions which conscripts under the study were faced during the service.

Keywords: destruction, aggression, a conscript, conscription service.

Теоретическая цель исследования состояла в описании и структурировании поля проявлений форм деструктивно-агрессивных взаимоотношений, с которыми сталкиваются военнослужащие срочной службы Российской армии. Прикладная цель заключалась в выявлении в конкретном воинском подразделении в разные (принципиально изменившиеся в ходе очередной военной реформы) моменты служебно-боевого функционирования (2011 и 2013 гг.), а именно в контексте общеармейских изменений и частных показателей подразделения, степени распространенности в армейском коллективе как крайне агрессивных проявлений форм деструктивных взаимоотношений, предполагающих причинение явного физического вреда здоровью военнослужащего, так и менее опасных актов, последствием которых является скрытый ущерб в виде морально-психологического дискомфорта (стресса).

Формы деструктивных взаимоотношений в армейском коллективе, как и любом закрытом социальном сообществе режимного содержания, включают широкий спектр явных, жестких по своим последствиям и закамуфлированных, менее опасных проявлений агрессии. И.В. Образцов обращает внимание на то, что ужесточение контроля за военнослужащими, профилактические мероприятия, внимание со стороны общественности приводит лишь к тому, что проявления «дедовщины» уходят от прямого физического насилия, к более скрытным формам морально-психологического воздействия [8, с. 70].

Работы данного автора легли в основу центральной рабочей гипотезы социологического исследования в воинской части № «Ц». Согласно данной гипотезе, повышение эффективности функционирования формальной командно-управленческой структуры, а также улучшение качества организации социально-бытовых условий службы в социальном пространстве воинского подразделения делают неприемлемыми, гасят в армейской среде опасные проявления деструктивно-агрессивных отношений, предполагающие нанесение очевидного ущерба жизни и здоровью военнослужащего. Однако сами деструктивные взаимоотношения не исчезают, а приобретают латентный характер, при этом актуализируются проявления агрессии, ведущие к визуально ненаблюдаемому морально-психологическому напряжению и повседневному дискомфорту личности военнослужащего жертвы.

ГУМАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В последние годы государством и в частности Министерством обороны нашей страны ведется активная работа по гуманизации военной службы по призыву в рядах Вооруженных сил и других воинских формированиях. Сокращен срок службы по призыву, увеличено денежное и улучшено вещевое довольствие военнослужащих, создается институт военной полиции, армейских священников, не прекращается процесс перехода к профессиональной контрактной армии.

Несмотря на все управленческие и организационные преобразования армии, в рамках неформальных (неуставных) взаимоотношений военнослужащих как срочной, так и контрактной службы сохраняются деструкции в виде актов неоправданной агрессии, насилия и жестокости, которые являются одной из наиболее острых проблем современных Вооруженных сил России.

Отсутствие среди военнослужащих срочной службы значимых различий в возрасте и армейском стаже (при сроке службы по призыву 12 мес) не привело к сокращению числа правонарушений, связанных с рукоприкладством. В 2010 г. Военная прокуратура зарегистрировала почти двукратный рост «неуставщины» в отдельных военных округах и родах войск [17]. Все больше фактов насилия в армейской среде стало совершаться из корыстных побуждений (отъем мобильных телефонов, денежных средств, другого имущества) [18]. Возникла новая проблема в связи с увеличением в войсках числа военнослужащих по контракту – насильственные действия контрактников по отношению к срочным служащим [14].

Трагичным следствием данных процессов являются не боевые безвозвратные потери (не учитывают пострадавших, получивших физическую травму или морально-психологический ущерб) военнослужащих, которые оцениваются как 2–3 тыс. [15] человек ежегодно.

Повседневная агрессия в межличностных отношениях военнослужащих выступает в роли негативного ярлыка на протяжении всего периода становления современной Армии нашей страны (с 50-х гг. XX в.). Сложившийся негативный образ в сознании общества снижает мотивацию молодых людей на прохождение службы по призыву. Так, с 2005 по 2012 г. среди причин, по которым опрашиваемые не хотели, чтобы сын, брат, другой близкий родственник служили в армии, первое место занимала «дедовщина, неуставные отношения, насилие», а уже потом «возможность гибели, ранения в конфликтах типа чеченского» [9, с. 100]. Схожие данные размещены на сайте Министерства обороны: «главными опасениями пополнения, призванного осенью 2010 года являются проявление “дедовщины” (32 %), несправедливое отношение командиров (22 %), грубость и оскорбления со стороны сослуживцев (19 %)» [19]. Молодые люди опасаются прохождения службы по призыву, пытаются по возможности ее избежать. На начало 2012 г. около 190 тыс. молодых людей скрывались от повесток, уехав с мест, где они официально проживают, не уведомив об этом военкоматы [22].

ПОЛИДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ ДЕСТРУКТИВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Стоит отметить, что в рамках современной научной литературы исследователи склонны рассматривать повседневные насильственные практики в межличностных и межгрупповых взаимоотношениях военнослужащих как универсальную данность, имеющую статичную и однородную структуру, которая в равной степени и состоянии проявляется во всех воинских формированиях, составляющих армию и военный флот. В официальных документах негативные социальные практики во взаимоотношениях среди военнослужащих срочной службы именуется как «казарменное хулиганство» [20], «антиуставные отношения» [8, с. 63], «неправильные отношения» [11, с. 109], но чаще всего как «неуставные взаимоотношения», а неофициально – «дедовщиной». Подразумевается под данным явлением ситуация выделения в подразделении военнослужащих срочной службы неформально доминирующей группы лиц, объединенной по одному из следующих социокультурных признаков: срок службы, этническая (религиозная) или региональная идентичность, физические (морально-волевые) качества, криминальный опыт до службы. Через широкий арсенал системы организованного насилия со стороны неформально доминирующей группы происходит дальнейшее сохранение и воспроизводство дифференциации военнослужащих, закрепление статусов и ролей, привилегий и обязанностей [8, с. 64–65].

Однако стоит обратить особое внимание на утверждение В.С. Ещенко и В.Л. Петрова о том, что «Армия по отношению к гражданину-воину выступает наиболее суровым институтом социализации личности... Качества этой среды: жесткая детерминированность интересами воинской службы,

примат ответственности над свободой воли, подчинение индивидуальной духовности безличностной коллективности, рутинный и опасный воинский труд с редкими моментами удовлетворения от его результатов. Доминантой этой среды являются хронически экстремальные условия. Вся воинская служба опосредуется чрезвычайными ситуациями» [4, с. 435].

Также после призыва на военную службу военнотружущий переживает момент расставания с домом, родными и близкими людьми, привычным образом и ритмом жизни, задержкой в реализации личных планов. Для кого-то призыв в армию – это первый опыт оказаться вдали от дома, знакомого социального пространства, в суровых условиях проживания в составе закрытой группы режимного содержания (с командно-приказной системой управления), повседневной деятельности однообразного характера.

Таким образом, в рамках военной службы как особого рода деятельности и пространственно-организационной структуры присутствуют системные и ситуационные факторы, способные в наибольшей степени оказывать дестабилизирующее воздействие на личность молодого человека, для которого военная служба и армейский образ жизни не являются привычным. В первые месяцы службы по призыву актуализируются такие социально-психологические процессы и состояния, как деперсонализация (утрата гражданской идентичности), дегуманизация¹, фрустрация, anomia. В сочетании с широким разнообразием социально-демографических портретов призывников это дает огромный потенциал для проявления агрессивных импульсов и развития деструктивных форм взаимоотношений.

Вследствие чего «дедовщина» или точнее неформальная иерархическая социальная структура, формирующаяся в среде срочнотружущих, это лишь одна из причин деструктивно-агрессивных взаимоотношений в рамках данной категории военнотружущих, выражающихся в различных практиках насилия.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет данного исследования – деструкции агрессивной направленности в закрытом социальном сообществе режимного содержания (в данном случае, в воинском подразделении). При этом акцент в работе сделан на установлении институциональных и ситуационных факторов, актуализирующих деструктивные взаимоотношения агрессивной направленности в коллективе срочнотружущих, формируя, по выражению А.М. Буровского, «бытовой фон насилия» [3, с. 45–46].

Работая над выделением институциональных (общевойсковых) факторов, в рамках теоретической модели данного исследования внимание сосредоточено на таких как:

- статус воинской части;
- назначение подразделения;
- призывной состав подразделения.

¹ По данным «Комиссии по делам ветеранов, военнотружущих и членов их семей» Общественной палаты РФ в соединениях и воинских частях Вооруженных сил чаще всего военнотружущие (62 % опрошенных) отмечают ярко выраженное объектно-инструментальное (дегуманизованное) отношение (когда к подчиненному относятся как к инструменту) к себе со стороны офицеров [21].

В состав ситуационных (частных показателей подразделения) факторов включены:

- субъекты поддержания дисциплины в подразделении;
- временные ресурсы военнослужащих в подразделении;
- материальное обеспечение подразделения.

Особенностью информационной базы является то, что в феврале 2011 г. в исследуемом подразделении военнослужащие проходили военную службу по призыву в течение всего срока службы, т.е. 12 мес. На момент опроса одновременно в расположении роты находились молодые люди, призванные весной 2010 г. (их срок службы составлял от 7 до 12 мес) и осенью 2010 г. (срок службы от 2 до 6 мес).

В феврале 2013 г. в интересующем нас подразделении одновременно проходили службу только молодые люди, призванные осенью 2012 г. (на момент опроса срок их службы составлял от 1 до 3 мес). Им предстояло пройти курс обучения военной специальности в течение 6 мес, после чего следовало распределение по другим воинским частям.

Данная ситуация связана с институциональными (общевойсковыми) преобразованиями воинской части № «Ц» в период с 2011 по 2013 г. Был изменен статус части с линейной (или кадрированной) на учебный центр. Исследуемое подразделение, учебная ремонтная рота, получило новое направление (назначение) боевой подготовки – учебная автомобильная рота. Комплектование личным составом стало производиться военнослужащими одного призыва, а не двух как ранее.

В силу вышеприведенных обстоятельств, содержание проведенного социологического обследования приобрело вид социального эксперимента (заранее не планируемого). Изначально предполагалось получить данные по одному и тому же подразделению в ходе как минимум трех обследований (в 2015 г. провести третий сбор данных не удалось) с разрывом в 2 года по единой авторской методике, сравнить результаты, выявить факторы, объясняющие изменчивые или устойчивые аспекты агрессивно-деструктивных проявлений во взаимоотношениях военнослужащих. Однако по независимым от автора исследования обстоятельствам удалось изучить (в 2011 и 2013 гг.) интересующие вопросы в рамках одного подразделения, но в ситуации организационно-штатных преобразований.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КАК ФОН ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

В результате анализа ситуационных факторов (частных показателей подразделения) было установлено следующее.

В 2013 г. по отношению к 2011 г. военнослужащие чаще указывали на то, что в большей степени порядок в их подразделении поддерживают офицеры, 77 и 63,9 % ответов соответственно (рис. 1). В 2013 г. военнослужащие в два раза реже, чем в 2011 г., отмечали, что в поддержании дисциплины в большей степени участвуют рядовые срочной службы, 10,5 и 22,7 % ответов соответственно. В 2011 г. ни один военнослужащий не указал, что за порядком и дисциплиной следят сержанты контрактной или срочной службы, а также рядовые контрактной службы. В 2013 г. двое военнослужащих

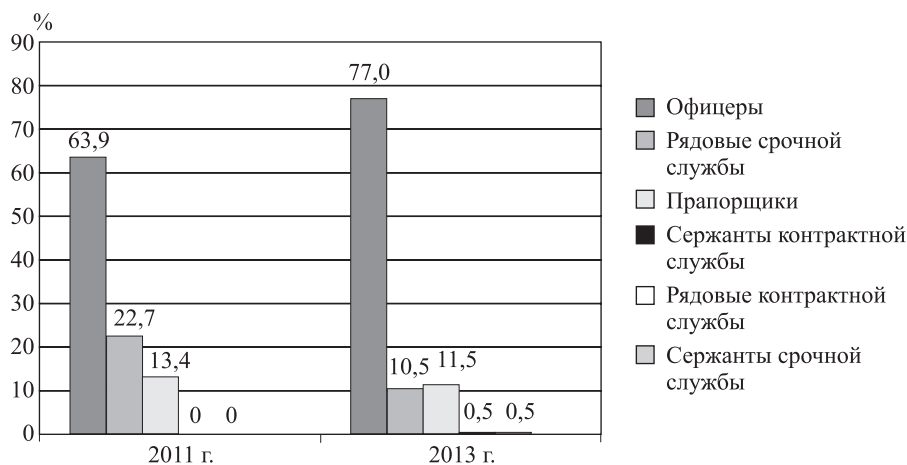

Рис. 1. Субъекты поддержания дисциплины и порядка в подразделении (% от общего количества ответов²)

отметили, что дисциплину в подразделении поддерживают сержанты контрактной службы или рядовые контрактной службы.

Данные результаты свидетельствуют о том, что в 2011 г. в исследуемом подразделении наблюдалась кризисная ситуация с младшими командирами (сержантами), которые, как оказалось, не проявляют себя должным образом в этом статусе. Хотя именно эта категория военнослужащих постоянно находится в расположении, отвечая за повседневный порядок и дисциплину как в военно-профессиональной деятельности, так и социально-бытовой сфере армейского коллектива в отсутствие офицеров.

В свою очередь рядовые «срочнослужащие» принимали активное участие в поддержании необходимого порядка и дисциплины. Это может свидетельствовать о некотором элементе самоорганизации и установлении неформальной иерархической структуры среди срочнослужащих («дедовщины») в отсутствие действенного и эффективного звена младших командиров (сержантов срочной/контрактной службы).

В 2013 г. усилилась роль официальной командно-административной структуры (офицеров и сержантов контрактной службы) или, если учитывать более высокий неформальный статус рядовых контрактной службы по отношению к рядовым срочной службы, дисциплинарная и воспитательная роль категории профессиональных военных как основных субъектов, поддерживающих правопорядок в подразделении.

Оценка временных ресурсов показала следующие результаты. В 2011 и в 2013 гг. практически одинаковое количество срочнослужащих исследуемого подразделения (92 и 92,3 %) отметили, что в течение первых 6 мес службы были «постоянно заняты», либо утверждали, что им «иногда (было) нечем заняться», 8 и 7,7 % соответственно. Ни один военнослужащий не отметил, что ему «часто (было) нечем заняться», т.е. имел или имеет избыток свободного времени в первые 6 мес службы. В течение последних 6 мес

² Из представленных в анкете вариантов ответа можно было выбрать не более 2.

службы³, в 2011 г., 65,7 % военнослужащих, срок службы которых больше 6 мес, считали, что имеют дефицит свободного времени («постоянно заняты»), 31,4 %, что им «иногда нечем заняться», 2,9 %, что им «часто нечем заняться».

Таким образом, абсолютное большинство военнослужащих исследуемого подразделения и в 2011, и в 2013 гг. указывали, что в первые 6 мес службы они испытывали дефицит свободного времени. Хотя около трети старослужащих в 2011 г. имели значительный избыток личного времени.

Оценивая уровень материального обеспечения исследуемого подразделения в 2011 и 2013 гг., практически одинаковые результаты получены по таким показателям, как обеспеченность предметами личной гигиены, спальными принадлежностями, качество питания (табл. 1).

Таблица 1

Материальное обеспечение подразделения

Показатель материального обеспечения	Оценка военнослужащими обеспечения	Количество военнослужащих, %	
		2011 г.	2013 г.
Обеспеченность предметами личной гигиены	Всегда хватает или иногда не хватает	93,8	94,8
Обеспеченность спальными принадлежностями	Всегда хватает или иногда не хватает	94,7	95,9
Обеспеченность обмундированием	Нет возможности заменить изношенное обмундирование	61,4	–
Обеспеченность рабочей формой	Рабочая форма в наличии	95,3	56,9
Размер порций в столовой	Абсолютно или скорее устраивает	95,5	93,3
Качество приготовленной пищи	Абсолютно или скорее устраивает	98,2	89,2

В 2011 г. в исследуемом подразделении существовала проблема в обеспечении личного состава предметами повседневной формы одежды, 61,5 % военнослужащих, срок службы которых от 7 до 12 мес, утверждали, что они не имели возможности заменить изношенное обмундирование через 6 мес службы. К сожалению, нет возможности сравнить ситуацию по данному показателю в 2013 г., так как в учебно-автомобильной роте срок службы военнослужащих составлял от 1 до 3 мес, поэтому они не могли объективно ответить на данный вопрос.

В 2013 г. в исследуемом подразделении выявлена проблема в обеспечении военнослужащих рабочей формой для выполнения парко-хозяйственных работ. Так чуть больше половины (56,9 %) личного состава учебно-автомобильной роты высказывались о том, что имеют возможность сменить повседневную форму на рабочую при выполнении парко-хозяйственных работ.

³ Данный показатель из-за особенностей информационной базы был измерен только в обследовании 2011 г.

Сравнивая условия военной службы по призыву (динамику частных показателей) в исследуемом подразделении, можно выделить следующие особенности:

– в 2013 г. профессиональные военные (кадровые офицеры, сержанты и рядовые контрактной службы) заняли более активную позицию в поддержании дисциплины и порядка во вверенном им подразделении, что свидетельствует об усилении контроля за внутригрупповыми социально-психологическими процессами в среде срочнотружущих со стороны формальных субъектов власти армейского коллектива;

– и в 2011, и в 2013 гг. военнотружущие испытывали дефицит свободного времени, были постоянно заняты той или иной служебной деятельностью, в первое полугодие службы, на которое выпадает активная учебно-боевая подготовка по освоению воинской специальности. Однако военнотружущие более раннего призыва в 2011 г. не всегда в должной мере были задействованы выполнением служебных обязанностей, что создает дополнительные условия для ситуаций эксплуатации сослуживцев, перекладывании части обязанностей на военнотружущих с меньшим сроком службы;

– в 2011 и в 2013 г. военнотружущие срочной службы оценивали по большинству показателей материальное обеспечение их подразделения как достаточное, но наблюдался устойчивый дефицит отдельных элементов обмундирования, что является плодородной почвой для таких деструкций, как воровство и вымогательство.

В целом организационно-штатные преобразования в воинской части № «Ц», основная цель которых вытекала из задач общевоинских органов управления и комплектования войск (повышение профессиональной компетенции срочнотружущих, открытие дополнительных центров подготовки военных специалистов), привели к значимым результатам на уровне конкретного воинского подразделения, а именно к повышению эффективности работы официальной командно-управленческой структуры.

При этом отдельные недостатки социально-бытового обеспечения делают более вероятными акты агрессии в межличностных взаимоотношениях военнотружущих, связанные с конкуренцией, борьбой за ограниченные материальные ресурсы.

ДЕСТРУКЦИИ АГРЕССИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В АРМЕЙСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ: СОДЕРЖАНИЕ И НАБЛЮДАЕМЫЕ ПРАКТИКИ

Широко распространенные в межличностных (межгрупповых) отношениях военнотружущих по призыву повседневные насильственные практики, чаще всего определяемые как «неуставные взаимоотношения» или «дедовщина», вносят элементы дезорганизации в функционирование армейских подразделений, отрицательно сказываются на эффективности управленческого взаимодействия и боевой готовности воинских подразделений. Для Вооруженных сил такой характер взаимоотношений в среде военнотружущих рядового состава имеет деструктивное [7, с. 28], разрушительное значение. Личности военнотружущего внешние, поведенческие атрибуты актов агрессии: вербальное унижение чести и достоинства, отъем личных мате-

риальных средств и вещей, нанесение побоев [7, с. 17] – несут определенный, часто неоправданный, физический ущерб или морально-психологический дискомфорт.

Используя показатели насилия, характерные для армейской среды [6, с. 114; 8, с. 63], был выделен ряд проявлений деструктивно-агрессивного отношения к военнослужащему, которые ведут к негативным последствиям, как для личности, так и военной организации в целом (табл. 2).

Таблица 2

Деструктивные взаимоотношения и их наблюдаемые проявления

Формы деструктивных взаимоотношений	Проявления агрессивной направленности
Психологическая (вербальные угрозы, манипулирование сознанием)	Словесные оскорбления, насмешки, унижения, угрозы
	Принуждение к обслуживанию не своего имущества
	Лишение возможности смотреть ТВ, писать письма, читать
	Принуждение к воровству
Экономическая (изъятие финансовых средств и личных вещей)	Изъятие предметов обмундирования, личных вещей
	Периодические поборы из месячного денежного содержания
	Периодические поборы из денежных переводов, посылок
Физическая (воздействие на физическое состояние и здоровье)	Изъятие пищи (лишение или сокращение норм мяса, масла, сахара, яиц, белого хлеба)
	Изнурительная незапланированная физподготовка
	Лишение отдыха при подготовке к наряду
	Избиения, нанесение побоев

Важно учитывать высокую латентность выделенных деструкций агрессивной направленности в рамках «неуставных взаимоотношений» военнослужащих.

Так, по данным социологических исследований, в середине 90-х гг. и конце 2000-х, от 50 до 70 % военнослужащих по призыву в армии и на флоте подтверждали, что в их воинских подразделениях присутствуют случаи «неуставных взаимоотношений» [8, с. 63; 5, с. 23].

В материалах общественных слушаний на тему «Проблемы безопасности военной службы и предотвращения гибели военнослужащих», организованных в марте 2008 г. Комиссией Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей утверждается, что открыто признают наличие «неуставных взаимоотношений» в своих воинских частях, на кораблях и соединениях Вооруженных сил 22 % опрошенных военнослужащих. Там же говорится о том, что чаще всего 2/3 военнослужащих скрывают наличие данной проблемы в их подразделении [21].

В рамках исследования по изучению состояния межличностных отношений в воинских коллективах и оценке уровня конфликтности среди военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и контракту, проведенного в конце 2009 г. Социологическим центром Вооруженных сил Российской Федерации, установлено, что 21 % военнослужащих признает наличие «неуставных взаимоотношений» в своем подразделении, остальные 79 % данный факт отрицают [23].

Рис. 2. Проявления в рамках существующих форм агрессии (% от общего количества ответов⁴)

Таким образом, в ходе социологических обследований наличие в воинском подразделении «неуставных взаимоотношений», связанных с проявлением той или иной формы агрессии, по большей части как минимум 20 % военнослужащих указывают открыто на данную проблему. Остальные члены личного состава предпочитают не предоставлять информацию по данному вопросу.

Анализ существующих проявлений агрессии в исследуемом подразделении воинской части № «Ц», отражающих психологический, экономический, физический ущерб личности военнослужащего, показал следующее. В 2011 г. указали, что сталкивались 47 (42 %) и не сталкивались 65 (58 %), в 2013 г. 56 (28,9 %) и 138 (71,1 %) военнослужащих соответственно.

Количество ответов, свидетельствующих о том, что во время службы чаще всего приходится сталкиваться со словесными оскорблениями и угрозами, практически не изменилось, в 2011 г. это 29 %, а в 2013 г. 30,2 % (рис. 2).

Наблюдается сокращение числа ответов в 2013 г. по отношению к 2011 г., указывающих на такие проявления деструктивно-агрессивного отношения, как лишение отдыха при подготовке к наряду с 17,2 до 9,4 %; принуждение к обслуживанию с 11,8 до 1 %; поборы из денежного месячного содержания с 10,8 до 7,3 %; избиения, нанесение побоев с 6,5 до 1 %.

И наоборот, наблюдается увеличение числа ответов в 2013 г. по отношению к 2011 г., указывающих на такие проявления, как лишение возможно-

⁴ Учитывались ответы военнослужащих, которые выбрали вариант, представленный в анкете, и указали свой в графе «другое». Не учитывались ответы военнослужащих, которые указали только свой вариант в графе «другое». Из представленных в анкете вариантов ответа можно было выбрать не более 3.

сти смотреть ТВ, писать письма с 3,2 до 14,6 %; изъятие предметов обмундирования, личных вещей с 14 до 17,7 %; изнурительная незапланированная физподготовка с 5,4 до 13,5 %; поборы из денежных переводов, посылок от родных и близких с 0 до 4,2 %.

Таким образом, с одной стороны, в 2013 г. наблюдается положительная тенденция сокращения числа ответов, указывающих на жесткие формы агрессии, предполагающие физический ущерб для жертвы (лишение отдыха при подготовке к наряду и нанесение побоев) и морально-психологический (принуждение к обслуживанию). С другой стороны, увеличилось число ответов, указывающих на такие проявления физической агрессии, как изнурительная незапланированная физподготовка и социально-психологическое давление в виде лишения возможности смотреть ТВ, писать письма родным и близким. Во-первых, это может свидетельствовать о том, что акты агрессии, представляющие угрозу физического и морального ущерба личности военнослужащего, стали менее опасными, но более скрытыми. Незапланированную изнурительную физподготовку до полного изнеможения как средство, дополняющее морально-психологическое давление (оскорбления, социальную изоляцию), всегда можно выдать за плановое мероприятие. Во-вторых, данная ситуация, возможно, является отражением увеличившихся физических и временных нагрузок на личный состав, что является следствием более интенсивного процесса учебно-боевой подготовки и усиленного контроля над подразделением со стороны командного состава в 2013 г. в связи с преобразованием воинской части в учебный центр.

Наблюдаемое усиление экономической формы давления на военнослужащих (изъятие предметов обмундирования, поборы из денежных переводов и посылок от родных) в 2013 г. отчасти может быть связано с тем, что в 2012 г. было увеличено месячное денежное довольствие военнослужащих срочной службы до 2000 руб. Также при анализе частных показателей подразделений было установлено, что в 2013 г. ухудшилось материальное обеспечение личного состава по такому показателю, как рабочая форма для выполнения парко-хозяйственных работ. Все это, вероятно, создало дополнительные конфликтные ситуации, которые можно охарактеризовать как вымогательство. Результаты отражают общевойсковую тенденцию. В 2011 г. Главный военный прокурор С. Фердинский отмечал, что вымогательство в казармах происходило в полтора раза чаще, чем в 2009 г. [18].

В 2011 г. в графе «другое» указали свой ответ 6 %, или 3 военнослужащих из 50, которые выбрали вариант ответа, представленный в анкете, или/и указали только свой в графе «другое». Из них двое отметили, что «все нормально, все устраивает, жить можно», один военнослужащий указал «не хватает личного свободного времени».

В 2013 г. в графе «другое» (рис. 3) указали свой ответ 36,5 % или 27 военнослужащих из 74, которые выбрали вариант ответа, представленный в анкете, или/и указали только свой в графе «другое». Из них 18 военнослужащих дали свой ответ только в графе «другое» и 9 указали как представленные в анкете проблемы, так и свой вариант ответа в графе «другое».

Таким образом, проблемы, указанные военнослужащими исследуемых подразделений в графе «другое», отражают скорее официальные дисципли-

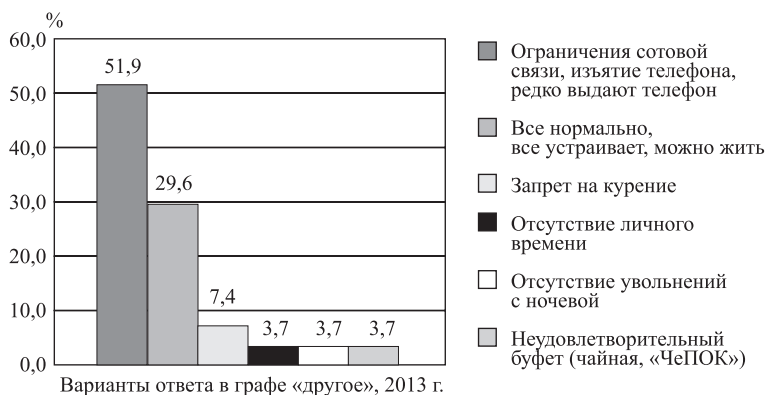

Рис. 3. Испытываемые проблемы во время службы, указанные в графе «другое» (% от количества военнослужащих, указавших ответ в графе другое)

нарные санкции, чем действия, представляющие угрозу здоровью и жизни срочнотрудовых, поэтому не могут считаться проявлением деструктивно-агрессивного отношения к ним.

В целом же в 2013 г. в исследуемом подразделении относительно 2011 г. проявления деструктивных взаимоотношений стали представлять меньшую опасность явного физического вреда здоровью и жизни, но большую опасность нанесения скрытого морально-психологического и материального ущерба.

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ДЕФОРМАЦИИ АРМЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В целом нижеследующие выводы социологического обследования в воинской части № «Ц» особенно актуальны, если учитывать, что большая часть офицерского состава современной Российской армии имеет опыт службы в тяжелых условиях общественно-экономической, политической трансформации страны в конце 80-х – начале 90-х гг. В этот период были подорваны сами институциональные условия существования армии и флота [1, с. 154–155]. Постоянная неуверенность профессиональных военных в социальных гарантиях со стороны государства (невыплата зарплат, пенсии, отсутствие жилья) оказала самое разлагающее влияние на трудовую мотивацию и заинтересованность в качественном исполнении своих обязанностей [12, с. 163–164], привела к перераспределению служебного времени в пользу других видов деятельности (самозанятость, подработка).

В связи с чем деструктивные проявления «дедовщины», повседневные практики насилия и эксплуатации, в контексте неформальных (неуставных) иерархических отношений в среде срочнотрудовых чаще всего остаются без внимания или воспринимаются командирами (уровня взвод – рота) как должное или само собой разумеющееся явление. Российской армии как никогда требуется новое поколение офицеров, готовых и способных как к важным институциональным преобразованиям Вооруженных сил, так и частному, тяжелому повседневному труду во вверенных им подразделениях.

Армия является институтом государства по осуществлению легитимного насилия, а военнослужащий – это непосредственный исполнитель, осуществляющий насилие от лица страны и народа, которому служит [2, с. 260]. В ситуации резкого обострения международного военного баланса сил, усложнения структуры вооруженных конфликтов от каждой боевой единицы требуется особая профессионально-боевая компетентность и понимание ответственности за качество и эффективность исполнения служебных обязательств. Это в свою очередь требует от органов военно-политического управления особого внимания к морально-волевому состоянию каждого военнослужащего и слаженности личного состава подразделений Вооруженных сил нашей страны.

Однако в настоящих условиях отсутствия угрозы крупномасштабной войны с применением многомиллионных по численности армий отмечается противоречивая общемировая тенденция. С одной стороны, идет сокращение Вооруженных сил, разрабатываются новые методики обучения военному делу, направленные на повышение уровня профессионализма как командного, так и рядового состава [10, с. 640]. С другой, старый костяк армии (высшие офицеры) часто противится нововведениям в системах и программах образования офицеров, подготовки и обучения рядовых военнослужащих, а также штатно-организационным и управленческим преобразованиям армейских структур из-за боязни потерять материальные выгоды и властные полномочия [10, с. 645; 13, с. 88–89, 177].

ВЫВОДЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ

Таким образом, в результате проведенного социологического исследования сделаны следующие выводы:

– поле деструкций агрессивной направленности в армейской среде имеет структурированную природу (по формам воздействия на личность, видам ущерба, степени публичности), что делает необходимым их комплексное и системное изучение во взаимосвязи и перетоке форм;

– комплектование подразделений срочнотрудовых военнослужащими одного призыва является значимым, в социально-психологическом разрезе, результатом институциональных (системных общевоинских) преобразований воинской части № «Ц». Хотя переход от двухпризывного к однопризывному рядовому составу не приводит к официально декларируемой ситуации – отсутствию актов агрессии в межличностных взаимоотношениях военнослужащих, – проявления эксплуатации или перекладывания служебных обязанностей, сопровождающиеся нанесением физических увечий, встречаются значительно реже;

– проявления психологической формы деструктивных взаимоотношений (словесные оскорбления, насмешки и угрозы) военнослужащих являются наиболее устойчивыми к внешним командно-административным (системным и ситуационным) изменениям в армейской среде;

– корыстные по содержанию проявления деструктивно-агрессивных отношений в армейской среде являются следствием как недостаточного материального обеспечения воинских формирований, так и, наоборот, увеличения материальной базы (денежные переводы от родных, близких, лич-

ный сотовый телефон и т.д.) отдельно взятого военнослужащего, что ведет к соблазну определенных лиц или групп присвоить чужие ресурсы;

– профессионализация офицерского состава, комплектование должностей младших командиров военнослужащими контрактной службы, усиленная учебно-боевая подготовка, с одной стороны, сокращают возможности (в том числе временные) для наиболее жестких проявлений физической и морально-психологической форм деструктивных взаимоотношений, с другой – ведут к актуализации латентных проявлений агрессии, что формирует определенные сложности для их выявления и предотвращения.

Основная рабочая гипотеза подтвердилась частично. Повышение эффективности функционирования формальной командно-управленческой структуры воинского подразделения меняет характер деструктивных взаимоотношений агрессивной направленности с явно наблюдаемых и более опасных проявлений в сторону латентных, закамуфлированных под официальные санкции. В свою очередь высокий уровень материального обеспечения в рамках социально-бытовых условий службы, как было установлено, не исключает в армейском коллективе акты вымогательства и присвоения чужих вещей.

Таким образом, общевоинские институциональные трансформации, преследующие в большей степени военно-функциональные задачи, оказывают опосредованное влияние на ситуационные частные показатели воинских формирований, способные параллельно оказывать позитивное воздействие на социально-психологические процессы в армейских подразделениях. Однако все установленные обстоятельства, их внутреннюю структуру, взаимосвязь, необходимо более подробно исследовать в рамках соответствующих областей гуманитарной науки, а сами результаты тщательно учитывать в работе официальных органов, ответственных за разработку и принятие решений по преодолению негативных процессов и событий, происходящих в Вооруженных силах нашей страны.

К сожалению, эмпирически проверить и подтвердить заявление Управления пресс-службы и информации Министерства обороны Российской Федерации о том, что «Такое понятие как “дедовщина” с переходом на одногодичный срок службы уже изжило само себя. Имеющиеся отдельные случаи казарменного хулиганства, как правило, происходят с участием военнослужащих одного призыва и не остаются без должного реагирования со стороны командования», сделанное в 2014 г. [16], на примере воинской части № «Ц» автору не представилось возможным в связи с отсутствием доступа к исследуемому объекту в 2015 г.

Литература

1. *Балашов А.И.* Российская армия: смена модели // Мир России. 2014. № 4. С. 148–172.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. *Буровский А.М.* Бытовой фон насилия // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 33–48.
4. *Ещенко В.С., Петров В.Л.* Человек. Армия. Общество // В человеческом измерении / под ред. и с предисл. А.Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989. 488 с.

5. Колесников Д.В. Криминологическая характеристика преступлений против чести и достоинства военнослужащих // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2009. № 3-2. С. 19–25.
6. Марченко Н.И. К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 112–115.
7. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
8. Образцов И.В. Формы проявления неуставных взаимоотношений // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 63–72.
9. Общественное мнение – 2012. М.: Левада – Центр, 2012. 232 с.
10. Сенге П. Танец перемен: Новые проблемы самообучающихся организаций / пер. с англ. Б. Пинскер. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012. 780 с.
11. Солнышков А.Ю. Искажения в понимании армейской дедовщины, их причины и практические следствия // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 108–116.
12. Тарасиков Р.С. Офицерский корпус современной Российской Армии – пути самосознания и реализации // Система ценностей современного общества. 2010. № 14. С. 152–180.
13. Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / предисл. П.С. Гуревича; пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с.
14. Бахарев К. Иск не по уставу // Российская газета. 2009. 24 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2009/12/24/reg-permkray/dedovchina.html> (дата обращения: 20 марта 2016).
15. Виноградов М. Дембель все спишет // Известия. 2003. 6 марта. URL: <http://izvestia.ru/news/273839> (дата обращения: 20 марта 2016).
16. В Минобороны России прокомментировали инициативу о проведении призыва граждан на военную службу один раз в год / Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11990948@egNews (дата обращения: 20 марта 2016).
17. Гаврилов Ю. Кулачные бои // Российская газета. 2011. 28 марта. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/28/dedovshina.html> (дата обращения: 20 марта 2016).
18. Гаврилов Ю. Приложил руку // Российская газета. 2011. 5 июля. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/05/armia.html>. (дата обращения: 20 марта 2016).
19. Отношение призывников осени 2010 года к службе в Вооруженных силах / Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10382611@cmsArticle (дата обращения: 20 марта 2016).
20. Перенджиев А.Н. Меняем «дедовщину» на «казарменное хулиганство» // Политическое образование. 2011. 2 апреля. URL: <http://www.lawinrussia.ru/blogs/aleksandr-perendzhiev/2011/04/02/menyaem-dedovshchinu-na-kazarmennoe-khuliganstvo> (дата обращения: 20 марта 2016).
21. Проблемы безопасности военной службы и предотвращения гибели военнослужащих / Материалы общественных слушаний 18 марта 2008. М.: Общественная палата РФ, Комиссия по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, 2008. URL: <http://www.megapir.info/article/104> (дата обращения: 20 марта 2016).
22. Россияне о военной службе: раздвоение сознания / ВЦИОМ. 2012. 24 февраля. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=112533> (дата обращения: 20 марта 2016).
23. Состояние межличностных отношений в воинских коллективах Вооруженных сил Российской Федерации / Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=10400033@cmsArticle (дата обращения: 20 марта 2016).

Bibliography

1. Balashov A.I. Rossijskaja armija: smena modeli // Mir Rossii. 2014. № 4. P. 148–172.
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / per. s angl.; pod red. V.L. Inozemceva. M.: Logos, 2002. 390 p.

3. *Burovskij A.M.* Bytovoj fon nasilija // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. 2008. № 1. P.33-48.
4. *Eshhenko V.S., Petrov V.L.* Chelovek. Armija. Obshhestvo // V chelovecheskom izmerenii / pod red. i s predisl. A.G. Vishnevskogo. M.: Progress, 1989. 488 p.
5. *Kolesnikov D.V.* Kriminologicheskaja harakteristika prestuplenij protiv chesti i dostoinstva voennosluzhashhih // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh nauk. 2009. № 3-2. P.19–25.
6. *Marchenko N.I.* K voprosu o genezise i sushhnosti neustavnyh vzaimootnoshenij // Sociologicheskie issledovanija. 1993. № 12. P.112–115.
7. *Nalchadzhjan A.* Agressivnost' cheloveka. SPb.: Piter, 2007. 736 p.
8. *Obrazcov I.V.* Formy projavlenija neustavnyh vzaimootnoshenij // Sociologicheskie issledovanija. 1996. № 2. P.63–72.
9. Obshhestvennoe mnenie – 2012. M.: Levada – Centr, 2012. 232 p.
10. *Senge P.* Tanec peremen: Novye problemy samoobuchajushhihsja organizacij / per. s angl. B. Pinsker. M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2012. 780 p.
11. *Solnyshkov A.Ju.* Iskazhenija v ponimanii armejskoj dedovshhiny, ih prichiny i prakticheskie sledstvija // Sociologicheskie issledovanija. 2009. № 12. P.108–116.
12. *Tarasikov R.S.* Oficerskij korpus sovremennoj Rossijskoj Armii – puti samosoznaniya i realizacii // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2010. № 14. P.152–180.
13. *Toffler Je.* Vojna i antivojna: Chto takoe vojna i kak s nej borot'sja. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka / predisl. P.S. Gurevicha; per. s angl. M.B. Levina. M.: AST: Tranzitkniga, 2005. 412 p.
14. *Baharev K.* Isk ne po ustavu // Rossijskaja gazeta. 2009. 24 dekabnja. URL: <http://www.rg.ru/2009/12/24/reg-permkray/dedovchina.html> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
15. *Vinogradov M.* Dembel' vse spishet // Izvestija. 2003. 6 marta. URL: <http://izvestia.ru/news/273839> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
16. V Minoborony Rossii prokomentirovali iniciativu o provedenii prizyva grazhdan na voennuju sluzhbu odin raz v god / Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11990948@egNews (data obrashhenija: 20 marta 2016).
17. *Gavrilov Ju.* Kulachnye boi // Rossijskaja gazeta. 2011. 28 marta. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/28/dedovshina.html> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
18. *Gavrilov Ju.* Prilozhil ruku // Rossijskaja gazeta. 2011. 5 ijulja. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/05/armia.html> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
19. Otnoshenie prizyvnikov oseni 2010 goda k sluzhbe v Vooruzhennyh silah / Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10382611@cmsArticle (data obrashhenija: 20 marta 2016).
20. *Perendzhiev A.N.* Menjaem «dedovshhinu» na «kazarmennoe huliganstvo» // Politicheskoe obrazovanie. 2011. 2 aprelja. URL: <http://www.lawinrussia.ru/blogs/aleksandr-perendzhiev/2011/04/02/menyaem-dedovshchinu-na-kazarmennoe-khuliganstvo> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
21. Problemy bezopasnosti voennoj sluzhby i predotvrashhenija gibeli voennosluzhashhih / Materialy obshhestvennyh slushanij 18 marta 2008. M.: Obshhestvennaja palata RF, Komissija po delam veteranov, voennosluzhashhih i chlenov ih semej, 2008. URL: <http://www.megapir.info/article/104> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
22. Rossijane o voennoj sluzhbe: razdvoenie soznaniya / VCIOM. 2012. 24 fevralja. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=112533> (data obrashhenija: 20 marta 2016).
23. Sostojanie mezhluchnostnyh otnoshenij v voinskih kolektivah Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii / Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=10400033@cmsArticle (data obrashhenija: 20 marta 2016).